

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Катрина Кейнс

#ИТАН СЛУШАЕТ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Катрина Кейнс

Итан слушает

Серия «#ONLINE-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41200133
Итан слушает: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-112517-2

Аннотация

Мэпллэйр – тихий городок, где странности – лишь часть обыденности. Здесь шоссе поедает машины, болотные огни могут спросить, как пройти в библиотеку, а призрачные кошки гоняются за бабочками. Люди и газеты забывают то, чего забывать не стоит. Нелюди, явившиеся из ниоткуда, прячутся в толпе. А смерть непохожа на смерть. С моста в реку падает девушка. Невредимая, она возвращается домой, но отныне умирает каждый день, раз за разом, едва кто-то загадает желание. По одним с ней улицам ходит серый мальчик. Он потерял свое прошлое, и его неумолимо стирают из Мироздания. Двое вот-вот встретятся. История развернет свои кольца. Это время Правды, Выбора и Смерти. Какими они будут?

Содержание

#Пролог	5
История первая	7
#Глава 1	7
#Глава 2	23
#Глава 3	36
История вторая	48
#Глава 1	48
#Глава 2	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Катрина Кейнс

Итан слушает

© Катрина Кейнс, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Моей семье, моим друзьям и всем,
кто верил в Итана больше, чем я сама.*

#Пролог

Мы этого, конечно, не замечаем, но для того чтобы произошла *история*, Мирозданию иногда приходится хорошенько потрудиться.

Рассыпать звезды по небу, чтобы морякам было легче ориентироваться.

Приготовить самые быстрые тучи и спрятать их за горизонтом.

Вселить во множество сердец надежду на чудо.

Наградить *ее* любопытством, а *его* – жадой приключений.

Направить молнию в нужную доску обшивки...

Но может получиться и так, что героев истории вообще не окажется даже близко к месту, где они должны быть. Или все произойдет еще проще: *она* испугается огней, а *он* – высоких волн и соленой водной толщи. И не выйдет никакой истории.

Да только моя история – не о них.

* * *

Твоя могила.

Выбито имя бесстрастно.

Ни тебе цифр, ни эпитафий.

*Лишь крест над холмом, который
Дожди поливают день изо дня.
Но ты никогда громких слов не любил.
Зачем? Они мешают сути самой.*

(Надпись на камне у самого северного перекрестка)

История первая

Мертвая девочка и серый мальчик

#Глава 1

В одну ничем не примечательную среду, где-то около шести, ветер спустил с Моста Желаний серый шарф с вышитыми на нем красными розами. Следом упала Кэйлин. Теперь уже *Мертвая Кэйлин*.

Почему небольшой мост через разливающийся каждый год ручей назвали Мостом Желаний, никто уже толком и не помнил. На прутьях, которыми скреплялись каменные блоки, висели замки с намалеванными на них именами: считалось, что это поможет сохранить любовь на века или хотя бы до тех пор, пока замок не разомкнется. На осыпающихся камнях многие тоже выводили свои имена, – чтобы затеряться в истории хотя бы разноцветным пятном. У старой ивы, склонившейся над водой, листьев не было видно из-за разноцветных ленточек: их привязывали к веткам на счастье.

Мост Желаний был излюбленным местом мэпллэйровской молодежи.

Пока по нему не проложили дорогу.

В четверг вечером – уже довольно много времени спустя – над Мэпллэйром прошел дождь из конфет.

Для той части страны, где ютился городок на восемь тысяч жителей, не редкостью были и дожди из лягушек (что легко объяснялось близостью Ванахеймских болот), и дожди из пауков (что было прямым следствием забастовки в северном Сити, известном странными экспериментами). Но дождя из карамелек, тянучек и мармелада никто не ожидал. Никто, кроме Элизабет Рихель, невысокой темноволосой дочери местного священника. Не то чтобы Элизабет недоедала конфет – ей часто покупали сладкое. Просто малыш Лиам Брэйвхарт с Маковой улицы, курносая Дороти Гейл из-за Моста и добрая половина их друзей месяцами не видели больше одного просроченного батончика «Плутон». А папа учил Элизабет делиться и совершать как можно больше хороших поступков.

Ранним утром в пятницу люди в Мэпллэйре стали чуточку счастливее, по крайней мере, те, у кого подрастали дети. Сладкого, высыпавшегося на газоны и тротуары, крыши домов и ступени магазинов, было не столько, чтобы обеспечить работой всех дантистов в городе, но достаточно для появления улыбок даже на самых угрюмых лицах. Бакалейщик Джули, вовремя схватив грабли, ненадолго расширил ассорти

тимент своей лавки.

Радовалась даже Мертвая Кэйлин, которая, конечно же, сыграла не самую маленькую роль в произошедшем.

Ведь ей пришлось умереть, сразу после того как Элизабет Рихель загадала свое желание.

На вопрос «Что с тобой случилось?» Кэйлин обычно отвечала, что с ней случился *Мост*. Если вообще отвечала.

Умирать было страшно. Почти каждый раз. Поначалу.

Несомненно, многое зависло от способа, но чаще всего смерть оборачивалась сюрпризом, поэтому в какой-то момент Кэйлин перешла грань обычного страха. Появился новый – с примесью обреченности, шепоткой рутинности и долей любопытства.

В неудачные дни Кэйлин могла умереть раз десять. В начале, сразу после Моста, число было намного больше, однако, умирая чаще и чаще, Кэйлин приобретала определенный опыт. Нельзя не освоить парочку трюков, если часто проделываешь один и тот же фокус. Некоторые желания Кэйлин научилась игнорировать: в хорошем расположении духа исполняла особо понравившиеся, в плохом – не слышала ни одно. Желаний было много: разной силы, разного рода, разного происхождения. Вскоре Кэйлин поняла, что может сопротивляться почти каждому, которое слышит. Те же, что оставались недоступны для ее обострившегося неживого слуха, влекли за собой очередную неожиданную смерть.

Элизабет Рихель возникла перед Мертвой Кэйлин сразу

после того, как та очнулась в кустах под фонарным столбом. Очередное неслышное, удивительно сильное желание привело к тому, что автобус восемьдесят восьмого маршрута сбил Кэйлин, торопившуюся на свое ежедневное созерцание закатного солнца. Водитель даже не заметил глухого удара: ему давно мерещилось, будто он чуть ли не еженедельно кого-то сбивает, так что пришлось походить к психотерапевту. Доктор Рита Шпенцель убедила его, что во всем, конечно же, виноват его отец. Узнай это Мертвая Кэйлин, она бы только посмеялась: она неплохо знала родителей этого парня, они часто давали ей деньги за уборку осенней листвы с лужайки.

Маленькую Элизабет Кэйлин тоже знала довольно давно: они жили на одной улице. Отец девочки Кэйлин не нравился – насчет лучшего мира он слегка приврал, – но сама мисс Рихель была разумной леди, что и доказала сразу же, едва увидела хромавшую за забором знакомую в забрызганной кровью юбке и порванной рубашке.

– Лиам рассказал, как тебя на заднем крыльце его дома загрыз волк. Клялся, что клыки были «вот такие» и кровь повсюду... Еще и заикался. Я думала, он не врал.

– Привет, Элиза! – Кэйлин знала, что Элизабет не любит, когда ее имя сокращают до почти вульгарного «Бэтси» или «Лиззи». – Лиам, конечно, славный мальчик, но воображение у него чересчур богатое.

– У тебя тут стекло торчит. – Элиза пальцем указала себе на висок.

Кэйлин, словно в этом не было ничего необычного, вытащила из головы осколок. Автобус задел ее лишь слегка, но как же неудачно разбилось зеркало заднего вида.

– О, спасибо.

– Так ты мертвая?

– Скорее умирающая. По несколько раз на дню... Умирающий джинн Мэпллэйра. Хех. Сейчас вот отец Тома слишком сильно захотел новую жену, например...

– Так на тебя загадывают желание, и ты... – Элизабет изобразила накидывающуюся на шею петлю. – Как падающая звезда.

Кэйлин невольно улыбнулась и тут же поморщилась – парочки зубов не хватало. Но сравнение ей понравилось.

– Звезда... Окровавленная и в порванной майке... Прямо как в шоу-бизнесе. Забавно. Как твои кошки, Элиза?

Мисс Рихель кинула взгляд на белый забор, который ограживал участок ее дома: там рядом были похоронены Снежинка и Бабочка. Их тени гонялись по траве друг за другом неподалеку от надгробий; под призрачными лапами не пригибалась ни одна травинка.

– Пушок совсем старый. Думаю, скоро будет играть на полянке вместе со Снежинкой и Бабочкой. – Элиза вздохнула.

– Жаль его... – Кэйлин чуть-чуть помолчала, а потом задумчиво стала накручивать на палец локон светлых волос, не замечая, что тот пачкается в крови. – А я вот зрение никак не разовью. Слышать умею, а видеть – нет, сэр. Повезло тебе.

Элизабет пожала плечами.

– У меня на глазах умерла мама. Не думаю, что этому стоит завидовать.

Кэйлин поперхнулась – то ли воздухом, то ли остатками страха.

– Прости, я не... – Она услышала громкое мяуканье, потом шипение. – Можешь загадать желание за мою бестактность.

...Элизабет Рихель была странным ребенком – а то и самым странным жителем Золотой улицы, – но помочь ей Кэйлин считала довольно благородным делом. В конце концов, разве можно судить о чьей-то странности, если ты мертвый джинн с кучей проблем? И умирать в этот раз было даже не больно: по воле Провидения Кэйлин просто перестала дышать на несколько минут.

* * *

Мертвая Кэйлин регулярно посещала свою могилу.

Вот и теперь ноги – окровавленные, со сломанными от удара ногтями, обутые в рваные чешки, – сами привели ее на мост. Серый бетон и выпирающие железные штыри заливал оранжевый свет заходящего солнца; пыльные листья поникли от выдыхаемых машинами выхлопов. На бордюрах прибавилось надписей, но в целом мост ничем не отличался от того, с которого потерявшая (или так и не нашедшая?) смысл

Кэйлин упала несколько лет назад. С тех пор она не выросла ни на дюйм, не проспала ни часа, но все так же жила в доме на холме и ходила в университет. Словно ничего не изменилось.

За спиной вдруг раздались шаги. Кэйлин обернулась и услышала незнакомый голос:

– Это вы Кэйлинна Нод? Та самая, про которую говорят... Мне нужна ваша помощь.

Последнее предложение незнакомец выдохнул совсем тихо, словно ни разу в жизни ничего ни у кого не просил.

Солнце зашло, и Мэпллэйр нырнул в чернильные сумерки.

Все здесь частенько начиналось с моста.

* * *

Итану было шестнадцать; он не расставался с солнцезащитными очками, а под кроватью в его маленькой квартирке в Бэй-Сайде вместо порножурналов аккуратными стопками лежали комиксы, в основном, – рисованные от руки. Он с маниакальной скрупулезностью выкупал их по интернету в те времена, когда у него еще водились деньги. Когда он жил с тетей Сарой.

В покрытом ржавчиной зеркале с отколотым краем отражались широкие плечи, всклокоченные волосы цвета подгнивших ростков пшеницы, пустые глаза – словом, то, что

в целом и было Итаном Окделлом. На серые уродливые пятна, расплзающиеся по плечу, левой стороне груди и под скулами, он старался не смотреть.

...Первыми были глаза: однажды их радужки просто потеряли свой синий цвет, через пару часов поблекли и зрачки. Остались только белки с еле заметными сеточками сосудов. Итан тогда испугался: спиной задел шторку в ванной, рухнул в нее сам, и по лбу ему ударила тяжелая перекладина. Почти сразу Окделл купил себе очки – стильные, как те, что он видел на одном ночном киносеансе на бульваре Санрайз, – но они совсем ему не шли. Итан не зарабатывал на хорошего врача, а тот, к которому он мог бы обратиться, не вызывал доверия. К тому же само зрение не пострадало. Да и общее самочувствие Итана никак не изменилось.

Вскоре шкафоподобный коллега, Теренс, отмочил какую-то зверски смешную шутку про раннюю седину: волосы Окделла тоже начали терять цвет. Той же ночью Итан решил, что Вселенная попросту стирает его, как нечто лишнее: сначала обесцветит, потом уберет контуры, и он распадется на черточки, от которых проку будет наверняка чуточку больше, чем от цельного Итана.

Через неделю появилось первое серое пятно.

За их ростом невозможно было уследить, равно как и найти хоть какую-то закономерность в их появлении. Итан продолжал выцветать. Приходилось надевать глухую водолазку – старую, с радужным единорогом, потому что другой не

нашлось, – чтобы спрятать пятна. Никакого недомогания не чувствовалось и в помине, это вряд ли было заразно, к тому же, Окделлу очень не хватало денег. Все равно за целую смену он видел только Теренса – охранника, которого прозвал ифритом¹, и водителя Грегсона. Они всегда стояли в отдалении и попыхивали самокрутками, глядя, как Итан нагружает машину ящиками.

Как же Итан ненавидел запах этих сигарет...

* * *

– Ит! Эй, Ит! Сигаретку? – Теренс протянул Окделлу дымящуюся «раковую палочку». Грегсон захихикал. Из его ноздрей рывками вылетал дым.

Итан промолчал, сосредоточившись на ящике, который пытался сдвинуть с места уже несколько минут. Он был подозрительно тяжелым, хотя маркировка на крышке не отличалась от той, что красовалась на остальных, уже выгруженных из машины. На оранжевом фоне – этот цвет заставлял Итана болезненно морщиться всякий раз, когда попадал в поле зрения, – белела надпись «Макарошки Джибса», и ниже – «Лучшие в городе!». Итан сильно сомневался, что Грегсону можно доверить перевозку хоть чего-нибудь «лучшего

¹ Ифриты – сверхъестественные существа в арабской и мусульманской культуре. Проклятые Аллахом джинны, известные своей силой и хитростью. Огромные крылатые существа, сотканые из огня.

в городе», и потому коробки не вызывали доверия. Да что такое с этим проклятым ящиком?

Водитель и охранник захрустели арахисом. Они, похоже, делали ставки на то, сорвет ли Окделл спину. Грегсон никуда не спешил и потому пожертвовал целых две монеты. Итан в конце концов попросту выпинал коробку ногами.

– Нечестно, – буркнул Грегсон, но деньги все-таки отдал. «Ифрит» довольно ослабился, предвкушая баночку прохладного «Обета молчания» по приходе домой.

Грузовик завелся не сразу: натужно заревел, чихнул выхлопной трубой и оставил после себя облако коричневого дыма.

– Затацишь эти вот под прилавок – и можешь идти. – Грегсон сплюнул, расплющил ботинком окурок и хлопнул дверцей. Машина жалобно скрипнула, но мужчина уже ни на что не обращал внимания: на его любимом радиоканале начиналась передача «Для одиноких сердец», и сейчас ведущий как раз выслушивал первого дозвонившегося.

«Понимаете, – выдал из динамиков дрожащий голос, – все пошло наперекосяк сразу после выпускного...»

Итан посмотрел на коробки и вздохнул. Спать хотелось невероятно.

Он еще не знал, что в эту ночь поспать ему вряд ли удастся.

Мистер Петерсон был не первым и, увы, не последним жителем Мэпллэйра, который обращался к Кэйлин с подобной просьбой. Это случалось сплошь и рядом, – желанья, которые не могла исполнить даже мертвый джинн.

Верните мне любимую, верните маму, верните дядю Мартина, тетю Келли, Спарки, верните хомячка и колонию рыжих муравьев!

Но никого кроме себя самой Кэйлин возвращать не умела. Судя по состоянию когда-то, вероятно, медно-рыжей шевелюры, мужчина поседел за очень короткое время, – и вскоре Кэйлин узнала, почему.

Петерсоны, довольно успешная семья, уважаемая соседями, жили на площади Кирхе, сразу за большим новомодным супермаркетом. Двадцать четыре часа в сутки неоновые вывески привлекали покупателей, умоляя купить упаковку чеснока по цене упаковки лука, обменять купоны на стаканчик мороженого и заглянуть на игровую площадку с настоящим пони, а Петерсоны жили себе спокойно, посещая, как и прежде, бакалейную лавку Джули и – в выходные – магазинчик Тевинтера. Сын приносил из школы неплохие отметки, мама увлекалась садоводством, а отец собирал марки, и все шло неплохо (особенно выплаты по кредиту), пока маленькому Петеру не пришлось в голову притащить домой упа-

ковку петард. Он вместе с остальными мальчишками соби-
рался вволю повеселиться на пустынном поле за старой за-
правкой, да только на ярко-розовую упаковку со стилизован-
ной надписью «Бабах!» случайно попала искра из камина.
В гостиной никого не было: мистер Петерсон читал газету,
сидя со спущенными штанами в уборной на втором этаже,
миссис Петерсон подводила глаза в прихожей, а их сын ис-
кал в кухне кроссовки. Стену между ней и гостиной снесло
начисто, обломками завалило входную дверь, и в результате
выбраться из моментально загоревшегося дома успел лишь
отец семейства. Сказал бы кто, что жизнь ему спасет реше-
ние все-таки прочесть спортивную колонку до конца, он бы
долго смеялся. Хотя после того дня мистер Петерсон вообще
не смеялся.

При экспертизе в упаковке петард обнаружили какие-то
опасные взрывчатые вещества, и мужчина начал судебную
тяжбу с супермаркетом, сверкающим своим лозунгом «Три
по цене двух!». Но никакая компенсация уже не сделала бы
его жизнь лучше.

Отказывать Кэйлин умела; она умела практически все,
в чем у нее хватало времени практиковаться. Чего она не
ожидала, так это спрятанного в грязном, замызганном рука-
ве Петерсона туза, выглядевшего точь-в-точь как большой
мясницкий нож...

От боли Кэйлин на какое-то время отключилась. Говорят,
в такие моменты – после смерти – можно увидеть светящий-

ся туннель, а в нем – умерших друзей и родных. Они должны радостно махать, тянуться к тебе, обнимать, ласково трогать за волосы и улыбаться, неизменно улыбаться. Кэйлин никогда не попадала в такой туннель. Бампер машины, столкновение с асфальтом, соленая или совсем неприятная грязная вода, яд, укусы или, как в нынешнем случае, нож взбешенного маньяка приводили ее к *нему*.

Он был необъятным и крошечным, белым и черным, добрым и... нет, злым, пожалуй, не был. *Он* всегда молчал, поворачивал голову, завязывал шнурки на кроссовках, пытался свистеть – у него плохо получалось – словом, делал все, чтобы только не замечать растерянную, испуганную и чаще всего окровавленную Кэйлинну Нод. Через какое-то время – вечность или, может, пару секунд – *он* вежливо кивал ей, как старой знакомой, поводил плечами и уходил. Кэйлин никогда не видела, где они находятся, – в лесу, в помещении, на улице, по колено в воде, – просто потому, что ее зрение странным образом сосредотачивалось на том, кто на нее и внимания-то не обращал. Приходя в себя после очередной смерти, живой, относительно целой и здорово отдохнувшей, Кэйлин начисто забывала об игре «Заметь меня» с незнакомцем. Или все-таки уже знакомым?

Сейчас все было немного иначе: Кэйлин открыла глаза и не увидела ничего. Привыкнув к обволакивающей темноте, она все же разглядела потолок дюймах в двух от своего лица. Хотелось потянуться и попробовать этот потолок на

прочность, но она почему-то не могла пошевелить и пальцем. Тогда она решила крикнуть. Ничего более конструктивного и уместного, чем «Эй!», в голову не пришло. В ответ сверху послышался какой-то шорох, потом Мертвая Кэйлин крикнула погромче, потом еще чуть громче, и – слава небесам! – внезапно стало очень светло.

* * *

Итан Окделл открыл коробку. Заглянул в нее. А потом медленно, очень медленно, вынул светловолосую голову Кэйлинны Нод из коробки «Макарошек Джибса».

* * *

Издаലെка казалось, что на деревьях развешаны рождественские гирлянды, – но к чему украшения, если до зимы еще долго? Тонкие веточки высохшей рябины подрагивали от ветра, заставляя растянутые на них ленты искриться. Если бы не отчетливый красный цвет, можно было бы списать все на балующуюся с кассетниками детвору. Вот только в эту часть города не заходил ни один ребенок.

Над улицами и скверами здесь постоянно висел туман, и тонущие в нем зеленые фонари были похожи на огромных светляков. Сразу за широкой дорогой, упирающейся в белое

мареву, раскинула свои лапищи Ванахеймская топь. Шоссе вело из Мэпллэйра в Сити, но только теоретически: на деле дорога имела нездоровую привычку копить на своих поворотах брошенные машины. Патрульные стражи порядка, бывало, натыкались на них в темноте или нерассеивающейся мгле – шоссе номер двадцать девять было не прочь полакомиться и фирменным государственным транспортом. К тому же мигалки частенько делали свою грязную работу, привлекая заблудившихся в тумане водителей.

Хаммер Грегсон был из тех немногих счастливичков, которым ненасытное шоссе милостиво позволяло проезжать до указателя «Пэлэс Рок, ... миль». Число миль стерлось, но поворачивающая налево дорога была куда дружелюбнее шоссе номер двадцать девять, и расстояние уже не имело особого значения. Кузов своего дряхлого грузовичка Грегсон опустошил еще в городе, и теперь машина резво подпрыгивала на ухабах, а одинокий гаечный ключ жалобно позвякивал от ударов по каркасу. Радио заикалось в такт прыжкам, резиновый крокодил с выпученными глазами громко стучался о приборную доску, а Грегсон пытался подпевать хриплому голосу из колонок.

*«Где-то двадцать семь годков тому назад
Я был не ра-а-а-ад, я был не ра-а-а-ад.
Когда к колодцу шел большой парад,
Я был не ра-а-ад, я был не ра-а-ад...»*

На очередном «ра-а-ад» автомобиль опять подпрыгнул и вдруг начал сбавлять скорость. Грегсон вдавил педаль газа до упора, но мотор заглох, и машина остановилась. Водитель чертыхнулся, вываливаясь из кабины.

Если бы он успел заметить, как довольно ослабился резиновый крокодильчик на приборной панели, он остался бы на месте.

#Глава 2

Итану раньше не приходилось видеть живых трупов. В смысле, где-то еще, кроме страниц комиксов или случайных выпусков новостей. Хотя к нынешней ситуации слова «живой труп» подходили пугающе точно. И все же к странным вещам Итан относился как-то спокойнее, чем к расчлененке. А вот возможность понять, как эти вещи действуют на него одновременно, подвернулась слишком неожиданно.

Окделл даже не успел толком удивиться, когда отрубленная голова, из которой бордовыми нитями свисали артерии с запутавшимися в них макаронами, открыла рот и произнесла:

– Где я, черт побери?

Только после того как Итан тихо сообщил «В магазине братьев Лавре на площади Кирхе», рефлексy все-таки отработали свое и заставили разжать руки. Голова упала обратно в коробку, подняв целый фонтан из сухих макарон, перепачканных кровью. Последовавшая за этим ругань сопровождалась странным гортанным звуком – именно с таким кто-нибудь мог бы выплевывать попавшие в горло жесткие макароны.

Итан окинул взглядом помещение склада – просто на всякий случай. Кто знает, вдруг ему пригодится монтировка? Из всего виденного и слышанного про зомби (а кем еще могла

быть говорящая голова?) Итан почерпнул одно: скорее всего, монстру понадобятся его мозги. Что такого привлекательно находили мертвецы в этой серой, неприятной на вид массе, оставалось загадкой, однако предусмотрительность еще никому не повредила.

– Я тут подумала... – глухо донеслось из коробки. – Я ведь могла тебя в какой-то мере... эээм... напугать?

Итан прикидывал, как быстро сможет при желании добраться до большой биты в витрине спортивных товаров. Ему вдруг отчетливо представилось, как он бьет по голове зомби деревянной палкой на манер клюшки для гольфа, и он фыркнул, сдерживая смех.

– Прости, парень. Я же не со зла. Просто понимаешь... Когда обнаруживаешь себя лежащей в коробке с макаронами, да еще и без тела... Представь себя на моем месте.

С воображением у Итана проблем никогда не было.

– Ты меня слушаешь вообще? Или убежал за помощью?

До биты оставалось недалеко.

– Эй? Парень? Если ты еще тут, вынь мою голову из этой проклятой коробки, я больше здесь не могу... – В оранжевом ящике глубоко вдохнули и выдохнули. Звук при этом получился очень смешной. – Кажется, у меня начинается клаустрофобия...

У Кэйлин потемнело в глазах, – так резко ее подняли. Горсть макароншек жалобно стукнулась о паркетный пол. Незнакомый парень молчал, хотя держал голову Кэйлин аккуратно: по крайней мере, в волосы больно не вцеплялся. Что-то в нем было странно, но что именно, никак не получалось понять. Может, водолазка с радужным единорогом?

– Знаешь, в той же коробке лежат твои руки. Это ведь твои, с черными шнурками на запястьях?

– Да! – Кэйлин слегка воодушевилась. – А остальное? Посмотри, а?

Парень сощурился.

– Ты мозги ешь?

– Чего? – Кэйлин вытаращилась на него. Вопрос чуточку ее испугал.

– Да так, ничего. Побудь пока здесь. – Парень положил ее голову на прилавок. Сделать это достаточно ровно не вышло, и он заранее извинился.

При более тщательном осмотре коробки он обнаружил все двенадцать оставшихся частей тела, вместе с порванной одеждой, – только чешек нигде не было видно. Будь у Кэйлинны Нод руки, она бы с удовольствием ими всплеснула, но пришлось ограничиться словесным выражением радости.

– О да, я вся здесь, это просто отлично! Пазлы любишь?

– Что?

– Будет совсем славно, если ты аккуратно сложишь мои... э-э-э... части в правильном порядке. И выбежишь минут на десять в соседнее помещение.

– Зачем?

– Если бы я могла это объяснить... Нормально объяснить.

Парень нахмурился и метнул взгляд в сторону биты за стеклом. Кажется, на ней был автограф какого-то знаменитого игрока из великого прошлого.

– Дай мне собраться, у меня стресс... – Кэйлин закусила губу. – И будь так любезен, подними меня, не могу больше смотреть на тебя из этого положения. Глаза слезятся...

* * *

Итан и сам не понял, что заставило его поступить в точности так, как велела зомби-девушка в рваном окровавленном тряпье. Тем не менее он терпеливо вынул руки, ноги, туловище – все двенадцать частей – и разложил их прямо на паркетном полу, ничуть не беспокоясь о том, что скажут хозяева магазина. Меньше всего он сейчас думал о Франце и Дерби Лавре.

Вытащив из кровавых обрубков застрявшие макароны – наверное, все еще «лучшие в городе», даже после окропления кровью, – Окделл поймал благодарную улыбку и поспешно вышел из магазина через заднюю дверь.

Звезды никогда не казались такими далекими, как в эту ночь. Итан подумал бы, что это романтично, одиноко стоять под сумеречным небом и ждать девушку, – если бы не близость помойки и не тот факт, что девушка слегка мертва. Выпасть из реальности ему помешала сама незнакомка, появившаяся как раз в тот момент, когда Итан начал размышлять о песчинках и макаронах. Девушка была совсем целой и уверенно держалась на ногах. Единственное неудобство ей, похоже, причиняли рваная одежда и отсутствие обуви.

– Да ты ниже меня, хм... – Она оглядела Итана с ног до головы, будто увидела в первый раз. – Спасибо. Может, расскажешь, что это у тебя за серость на пол-лица, и проводишь меня до дома?

– Только если ты объяснишь, что это такое творилось в магазине.

Кэйлин сделала вид, что усиленно думает. Через несколько секунд она протянула Итану руку, на которой не хватало парочки ногтей.

– Кэйлинна Нод. Мертвый джинн, или что-то в этом роде.

– Итан Окделл... – Он пожал ей руку. – Джинн? В каком смысле?

– Малыш, сегодня ты услышишь удивительную историю об удивительно глупой девочке...

Кэйлин приобняла Итана за плечи и повлекла за собой, слегка путаясь в ногах, словно русалочка из сказки. Получалось, что не Итан провожал ее домой, а она тащила его в го-

сти. Развороченный магазинчик с окровавленным паркетом был моментально забыт.

* * *

Мертвый джинн, конечно, не всю жизнь ютилась в подвале, но какой выбор остался у нее сейчас? Самое удивительное, что семья у мисс Нод была: отец, мать и младший брат, и все *почти знали*, что внизу, под самыми их ногами, живет упавшая с моста Кэйлин. Более того, они сами помогали ей обустроиваться.

Когда Итан поинтересовался, а в курсе ли родители «той штуки, что с тобой происходит», ответил отец Кэйлин – высокий худой мужчина, чем-то неуловимо похожий на зонтик. Он как раз спускался по лестнице и очень емко смог выразить всю переполнявшую его гордость, смешанную со страхом и тревогой за дочь.

– Это же так круто! – сказал мистер Нод и чуть-чуть погодя добавил. – Надеюсь, сделала она это не из-за нас.

Кэйлин фыркнула и подбоченилась. Она уже успела переодеться в длинную юбку, навскидку ничем не отличавшуюся от предыдущей, и корсет. Итан подивился такой ловкости: Кэйлин влетела в одежду минут за пять, хотя, судя по количеству шнуровки на корсете, это никак не могло ей удалиться.

– Здорово пошутил, молодец. Я скоро поднимусь за чаем, маме скажи.

– Хорошо. – Мужчина начал было подниматься по лестнице, потом остановился, словно вспомнил что-то, и обернулся. – Не шалите тут!

Тяжелый взгляд Кэйлин был красноречивее любых слов. Почти пропищав, что это шутка, ее отец чуть ли не бегом бросился наверх.

– Забавный у тебя папа. – Итан плюхнулся на пыльный диван, повидавший многое за свою, несомненно, длинную жизнь, и приготовился слушать.

* * *

История ее была банальной, как слезливая школьная драма, снятая плохим режиссером, и недалекой, как средне-статистические подростковые стихи. Как и многие люди со своеобразными интересами – например, смотревшие в детстве «Бухту Кэндл»² и устраивавшие на заднем дворе археологические раскопки, – она прожила старшие классы незаметно, прячась за стеной знаний и черной одеждой. В университете ей показалось, что жизнь сделала крутой поворот, но это было вовсе не так.

Все шло по-прежнему, день за днем, и можно было только догадываться, что именно привело Кэйлин на Мост Же-

² «Бухта Кэндл» – кукольный мультсериал ужасов, который транслировался в 70-х. В шоу рассказывалось о приключениях девочки и ее друзей-пиратов в Свечной Бухте, оно отличалось очень мрачным колоритом.

ланий. Ведь прыгнула она не сама. Позже, уже после смерти, она созналась, что и в мыслях никогда не совершала подобного. У нее не хватило духу даже посмотреть вниз, слишком она боялась высоты, – что и говорить о прыжке?

Не то чтобы Кэйлинна Нод считала себя трусихой... или особенно храброй. В конце концов, свести счеты с жизнью может лишь законченный трус или отчаянный храбрец. Но одно дело – искать смерти, жаждать ее до такой степени, что и в кровавой ванне искупаться не страшно, и совсем другое – относиться спокойно к тому факту, что рано или поздно смерть появится на твоём пороге и уведет тебя за собой. Впрочем, о последнем Кэйлин уже не волновалась: ни костлявой старухи, ни угрюмого жнеца, ни крылатой тени она не видела ни разу.

В воспоминаниях мост остался серой полосой с зеленой кромкой и ворохом ощущений: тянущего ожидания и желания кричать одновременно от радости полета и страха. Ничего более нелепого она в жизни не испытывала. Ну, разве что тот клубок чувств, который вспыхнул, когда один мальчик из класса донес ее портфель до дома. Противоречивых ощущений была масса, потому что потом он в этот же самый портфель напихал снега.

Очевидцев произошедшему почти не было, – а если и был кто-то кроме девятилетней девочки, прыгавшей через скакалочку, то он наверняка сказал бы, что Кэйлин бросилась с моста сама. Задумчиво глядела на воду, грустила о чем-то,

бросила сначала стянутый с плеч шарф, а потом резко перегнулась через перила и исчезла за краем. Однако в голове у Кэйлин мелькали мысли вовсе не о лучшей жизни на том свете: она как раз закончила вспоминать темные кудри Энтони Скалкера и всерьез задумалась, живут ли под Мостом Желаний тролли... А после мир полетел кувырком.

Ее выловили браконьеры. Каждый год находилась парочка умников, которые расставляли на местной речонке сети, хотя закон на этот счет высказывался достаточно резко. После того как бледная, кое-где покрытая илом и чешуей девушка вдруг открыла глаза и поднялась, парни больше никогда не рыбачили. И не пили.

Кэйлин не сразу поняла, в чем дело. Высвободившись из сетей и безуспешно попытавшись догнать убегающих (и истошно вопящих) браконьеров, она попробовала добраться домой. В нескольких милях от города она поймала попутку: добродушный рыжий мужчина лет сорока всю дорогу рассказывал о временах, когда компьютеры были размером с комнату, а перфокарты – с разделочную доску. Грузовик домчал ее прямо до дома на холме. Кэйлин как раз подросла к своим поминкам. Она отсутствовала уже больше месяца.

Гости кричали, мать упала в обморок, отец чуть не последовал за ней. Ведь вернувшаяся Кэйлин вся была в грязи, тине и чешуе; от нее невыносимо пахло разложением и смертью; правый глаз отсутствовал, а она этого даже не заметила. Эван, младший брат Кэйлин, затянутый в строгий ко-

стюм с узким, неправильно завязанным галстуком, подско-чил, схватил ее за бледную мокрую руку и потащил к зад-ней двери. За домом у семейства Нод был небольшой садик. Эван шмыгнул в кусты, проволоч через них сестру и чуть не врезался в дверь старого сарая, в котором вот уже несколько лет сваливали ненужный хлам.

– Кэй, что ты здесь делаешь? – Эван сдвинул брови. Го-лос его звучал почти обвиняюще, словно он делал выго-вор. Вряд ли такой реакции следовало ждать от человека, который только что увидел вернувшегося с того света род-ственника. Может, на лице должно было быть больше ужаса и удивления?

– Я... Эван, я что... мертва? – надтреснуто произнесла Кэйлин и тут же заплакала.

Еще в доме она углядела на столе фотографию, перетя-нутую черной лентой. На ней Кэйлин пыталась не захохо-тать в голос, потому что у фотографа задралась рубашка, и из-за резинки сиреневых трусов выглядывали заткнутые за нее широкие полосатые семейники. Эту фотографию Кэй-лин просто ненавидела: ее заставили смыть почти весь ма-кияж, убрать челку, а потом повезли на скучнейшую экскур-сию в Сити.

От сестры пахло рыбой и смертью, но Эван обнял ее – в свои шестнадцать он был на голову выше и без труда мог поднять Кэйлинну на руки. Она плакала и плакала, плечи ее тряслись, Эван молчал, не в силах подобрать слов. А когда

из дома слышались панические крики и Кэйлин отстранилась от брата, выглядела она уже совсем как раньше. И даже запах смерти исчез.

Эван и Кэйлин пришли из сада вместе. В газетах появились заголовки вроде «Чудесное спасение» и «Вернувшаяся с того света». Кэйлин надавала кучу интервью, пыталась объяснить, что ничего не помнит и не сбегала из дому. Про рыбаков она молчала, про водителя, не заметившего ран и запаха разложения, тоже.

А Эван мрачнел с каждым днем. Однажды он рассказал ей о своих снах, в которых человек с развязанными шнурками на кроссовках говорил о Кэйлин – о том, что она умерла, но вернется, что будет умирать и возвращаться, и снова умирать.

И это действительно случилось: Кэйлинна Нод умерла через пару дней. И с тех пор не переставала этого делать.

* * *

Не то чтобы он был кем-то особенным – человек, от желания которого все пошло наперекосяк. Его звали Джон, или, может быть, Джек, и фамилия его была незапоминающаяся, словно приехал он издалека, и предки его были из страны вроде Гирики или Княжества Морь. Работал он охранником в маленьком городском университете – честно говоря, не лучшая работа. Платили скромно, зато напрягаться

не приходилось, и Джон видел множество человеческих лиц. Поначалу они казались разными: каждый человек светился уникальностью. Но потом архитекторы, учителя, бухгалтеры, юристы слились в сплошную массу: когда начинаешь видеть только руки и пропуска, пропуска и руки. Заусенцы, шрамы, ядовито-красный и черный маникюр, кольца, пятна от ручки... Так случилось и с Джеком.

Однажды, когда проходная пустовала, к турникетам подбежала девушка. Полы ее распахнутого плаща хлопали как крылья: для нынешней погоды одежда была слишком теплой, но Джек не успел обратить на это должного внимания. Так вышло, что именно в ту секунду он вспомнил о своем детстве, – очень эта девчонка напомнила ему старую знакомую – и совершил неосторожность. Ту самую, из-за которой девчонка поскользнулась буквально на ровном месте и неудачно упала прямо в готовящийся захлопнуться турникет.

Стены, створки и автомат пришлось долго отмывать. А Джек – или, может быть, Джон – ушел с работы. И отправился на север.

* * *

После того как Кэйлин в буквальном смысле расплющило, родители перестали ее замечать. Они могли столкнуться с ней в коридоре, рассеянно сказать «Привет», за ужином

поинтересоваться, как дела в университете, или выгнать ее из ванной. Но если Кэй не было поблизости, – она сама проверяла, подслушивая за углом, – родители считали, что их дочь погибла. Когда мать начинала плакать, Кэйлин старалась тут же появиться в поле ее зрения. Тяжело было видеть, во что горе превратило близких ей людей.

А вот Эван, как ни странно, никогда не забывал, что в доме живет исполняющая желания сестра, которая теперь частенько играет роль трупа в какой-нибудь подворотне или на дороге. И когда он напоминал маме и папе о том, что пора бы навестить дочку, они не бежали на кладбище, а тут же спускались в подвал. Кэйлинна не стала возвращаться в свою старую комнату: теперь все там казалось до такой степени фальшивым и ненужным, что она не могла заснуть. Впрочем, она и так почти не спала – потребность в отдыхе была скорее привычкой. Равно как и еда.

Университет она тоже посещала по привычке – иногда даже тихо сидела на лекциях. Ее все равно никто не замечал...

#Глава 3

Кэйлин закончила рассказ, который прерывала дважды, – родители, видимо, по просьбе брата, приносили в подвал чай и несколько тарелок тарталеток, – и улыбнулась.

– Вот так все и случилось... Так теперь все устроено, и я вообще-то давно свыклась с этим.

– Так что же... Все о тебе забывают?

– Практически все, да.

– Значит, стоит мне пойти домой, хорошенько выспаться, и завтра я так и не вспомню, за что меня, скорее всего, уволят?

Кэйлин озадаченно посмотрела на Итана, а потом, видимо, вспомнила про усыпанный кровавыми макаронами пол.

– Неловко, конечно, вышло, но для тебя жизнь на месте не стоит. В отличие от меня... – последнюю фразу она пробурчала себе под нос.

Повисло неловкое молчание. Чай стыл. Итан не притронулся даже к тарталеткам. Он почему-то забыл, что новая знакомая в еде не нуждается, и как всякий джентльмен ждал, когда дама первой пригубит чашку.

– Знаешь что? Раз уж я тебе все выложила – твоя очередь. Мне жуть как интересно, отчего ты весь такой... гм... серый.

Итан вздохнул, растягивая рукава своей детской водолазки, и вперился взглядом в пол.

– ...

– Повтори-ка?

– Не знаю я, – проговорил Итан более отчетливо и все-таки взял маленькое, совсем безобидное на вид ядовито-зеленое угощение. – Живу один, к врачу не сходить – у меня даже электричества уже пару дней нет.

Кэйлин замерла, глядя в стену, а потом вдруг подскочила, кинулась к старому шкафу в углу и из-под вороха какого-то тряпья выудила выдавший виды сотовый телефон. Он был облезлым, розового цвета, и на крышке красовались красные блестящие наклейки.

– Вот. – Она сунула телефон Итану в руки. – Завтра позво-ню и свожу тебя к доктору. Знаю одного неплохого. В этом городе перебор со странностями, но поседевшего в свои неполные семнадцать человека с серой кожей я вижу впер-вые.

– Но...

– После ты меня снова забудешь, и тебе даже благодарить меня не придется... А потом я помогу тебе найти работу! Все же просто! – вдохновенно продолжала Кэйлин, не пере-ставая бегать по комнате.

– Но я же...

– Не надо мне твоих «Не стоит, я сам», «Ой, как неудоб-но». Понял? И ешь ты уже эти проклятые...

Какая-то тень вдруг шмыгнула к Кэйлин от стены – Итан успел только заметить, как сверкнуло что-то металлическое.

Он бросился наперерез ножу практически инстинктивно, ничуть не задумываясь.

И точно никак не ожидал, что, ударившись о его предплечье, лезвие разлетится на несколько неровных частей.

* * *

Мистер Петерсон осел на разноцветный половичок, так и не успев понять, что с ним приключилось. Кэйлин сжимала в руках остатки табуретки, а Итан так и сидел, стискивая руку и хлопая глазами.

– Я в порядке, – как во сне, медленно и с расстановкой проговорил он, переводя взгляд с обломков ножа, похожих на серебристые конфетти, на остатки рукояти в ладони Петерсона. – Кто это?

– Джеффри Петерсон, да и черт бы с ним... Что с тобой-то, чудо-мальчик?

– И все же чего он от тебя хотел?

– Того, чего я сделать не могу, я не боженька, чтобы мертвых воскрешать.

Кэйлин откинула в сторону обломанные деревянные ножки и присела рядом с Итаном. На его серой коже не было никаких ран. Кэйлин присвистнула.

– А ты не инопланетянин? Серые неуязвимые человечки, все такое...

Глаза Итана скрывали темные очки, но Кэйлин готова бы-

ла поклясться, что они расширились от ужаса. Если Окделл и был пришельцем, то этот факт явно его не радовал.

– Да шучу я, шучу...

На счастье, именно этот момент выбрал Эван, чтобы проверить, что там в подвале за шум, – родители успели напрочь забыть о своей дочери.

– Братик, звони в полицию, у нас тут взлом и... – Кэйлин покосилась на остатки ножа, – покушение на мертвого человека, которое никак не докажешь.

* * *

В доме Нодов полиция бывала всего дважды: сначала из-за пропавшей без вести дочери, затем – из-за ее чудесного возвращения, о котором вскоре забыли даже газеты. Кстати, в публичной библиотеке Мэпллэйра, странном месте, похожем одновременно на рог изобилия и критский лабиринт, можно было отыскать последние номера «Кленового вестника» – и все они содержали по несколько пустых страниц. Любопытствующий, будь то школьник, которому задали доклад, журналист, поднимающий старые дела, или бог знает как забредший в тихий непримечательный городок секретный агент, даже не обратил бы на эти желтоватые листы внимания. Кто-то старательно сглаживал все неровности, отводил глаза от простого факта, что практически по всем параметрам мертвая Кэйлин разгуливает среди живых.

В Мэпллэйре даже полицейские напоминали роботов. Или зомби. Так что немногословный офицер, полноватая темноволосая дама с самым суровым лицом, какое только доводилось видеть обитателям дома на Золотой улице, просто задала несколько вопросов, произвела арест и увезла мистера Петерсона в сторону двадцать девятого шоссе.

Наручные часы, стекло которых покрывала паутина трещинок от удара о гвоздь, показывали около двух часов. Итан все еще неосознанно поглаживал то место, куда пришелся удар ножом, и периодически впивался в кожу ногтями, чтобы в очередной раз убедиться, что он ничего не чувствует. Не из-за этого ли тетя Сара так оберегала его? И, страшно подумать, не из-за этого ли так неожиданно, рано умерла?

– Меня бы все равно не убили. Вернее, я бы все равно потом вернулась.

Кэйлин сидела на деревянных перилах своего крыльца и мотала туда-сюда ногами. Окделл вышел подышать свежим воздухом и прийти в себя, но новой знакомой было слишком сложно унять не оставившее ее и после смерти любопытство.

– Это такое спасибо? – Итан сцепил пальцы в замок и подумал, что беспечная мисс Нод скоро шлепнется вниз, на клумбу с белеющими в ночи орхидеями.

Кэйлин, словно прочитав его мысли, перестала покачиваться и поменяла положение, сев к саду спиной.

– Пожалуй, да. Спасибо. Я просто не привыкла, что кто-то кроме брата и Элизы может обо мне заботиться. Родители

не в счет, они обо мне не помнят большую часть времени.

– Наверное, имею полное право ответить «Не за что», – хмыкнул Итан, стягивая темные очки.

В кустах чирикнула какая-то беспокойная птица. Далеко за холмом завyla собака, и ее вой подхватила другая, ближе к лесу.

– Итан, мать твою, ты себя в зеркало видел?

Окделл рассмеялся. В темных очках особо не побреешь-ся, поэтому свои белесые глаза он видел достаточно часто.

– Тебя даже линзы не спасут. И как ты все видишь, с такими-то зрачками?

– Вероятно, благодаря тем же законам, что и тебе позволяют умирать каждый день.

– И что, ты теперь расскажешь, как это с тобой приключилось? Или все-таки убедишь, что не помнишь?

Итан и вправду ничего толком не помнил. Все детство, проведенное в Сити, самом большом поселении северной части страны, представляло собою белую широкую ленту – такую же, как пустые газетные страницы и его выцветшие глаза. Образы родителей не представали в воображении даже неясными тенями. *Лента* переставала быть белой только с появлением тети Сары.

Тетя Сара была яркой защитницей прав животных, проводила экологические пикеты и устраивала налеты на лаборатории, в которых мучили бедных кроликов, мартышек и прочую живность. В прошлом она сама была ученым, причем

довольно известным, и потому ей пришлось бежать из Сити в место более спокойное – такое, чтобы никто не смог ее найти. Окруженный болотами Мэпллэйр, с его Хищным шоссе, серым воздухом и всего одной главной улицей, оказался идеальным.

Окделл помнил дверцу машины: так четко, что мог бы ее нарисовать, вплоть до поцарапанной ручки и обивки, на которую пролили сладкую воду. Он помнил белый свет, нестерпимый, режущий глаза, и помнил красную стрелку внутри своей головы, которая все норовила указать на юг... Помнил множество кружевных нитей паутины с самыми разными узорами: на каждой сидел неповторимый восьминогий паук, и от их цвета рябило в глазах... Потом Итан помнил только тетю Сару.

Именно она сообщила ему его имя, сам он не мог вспомнить, как ни старался. Она научила его писать: со счетом и чтением обстояло лучше, это было похоже на умение ездить на велосипеде – раз научившись, уже не разучишься. Она же познакомила его с миром книг, и Итан впитывал тексты Нила Геймана, Стивена Кинга, Михаэля Энде и Корнелии Функе как губка. Комиксы стали его вторым увлечением: Нил Гейман когда-то создал сюжеты для мрачной серии графических новелл о Песочном Человеке.

В школу Итан не ходил: тетя Сара вполне успешно учила его дома. Она оставалась рядом до самого конца, до больничной палаты на окраине города, где никто не задавал во-

просов. Она сгорела, как свечка, за одну ночь. Словно Вселенная выжгла ее – так же, как теперь пыталась избавиться от самого Итана. Только гораздо медленнее.

– Я действительно почти ничего не помню. – Итан сдвинул очки на лоб и уставился в небо.

Звезды отражались в его белых, кажущихся слепыми глазах, и, наверное, даже Мертвой Кэйлин сделалось жутко от этой картины.

* * *

Из тумана вырвалась машина; в свете фар серые клочки на мгновение превратились в крючковатые пальцы с острыми когтями. Дорога с явной неохотой отпускала своего пленника – а ошалелый автомобиль только того и ждал. Motor ревел, как дикий зверь, колеса жаждали мчаться вперед, и лишь сила этого желания толкала железное чудовище.

Оно еще не осознало, что осталось без седока.

Офицер Моралес включила мигалки, когда впереди замаячили огни чужих фар, но машина промчалась мимо полицейской, словно и не услышала предупредительной сирены. Водитель почти наверняка был пьян – так петлять мог разве что наглотававшийся пива храбрец, которого вдруг потянуло на подвиги. Моралес выругалась, глянула в зеркало заднего вида – оттуда на нее испуганно таранился мистер Джеффри Петерсон – и крутанула руль. Радио вдруг включи-

лось само по себе, из динамиков полилось: *«Детка, детка, о нет, только не этот поворот! Это поворот не к нашей любви – он дальше на север, правее бери!»* Офицер Моралес ненавидела эту песню: на выпускном балу именно она гремела в колонках, когда одноклассник, Саммерс, назвал ее свиньей. Одно утешало: вскоре Моралес засадила Саммерса в тюрьму, когда парень слишком подналег на наркотики.

Машину с предположительно пьяным водителем офицер догнала через пару десятков миль: она стояла на обочине, дверцы были открыты, сидения выломаны и разложены во круг, капот и багажник пустовали. Даже мотора не было. Моралес шикнула на Петерсона, взяла фонарик и пошла к разграбленному автомобилю: должны же были мародеры или хозяин оставить следы, хотя бы какие-нибудь документы в бардачке.

Через три минуты, когда офицер скрылась в напозающем на дорогу тумане, Петерсон спокойно открыл дверцу, вылез из черно-белого автомобиля и, пошатываясь, побрел назад.

Туда, где в белых клочьях он видел играющих в догонялки жену и сына.

* * *

«Утро добрым не бывает», – любила говорить тетя Сара и в какой-то своей изощренной манере была права. Она ненавидела вставать раньше десяти, в отличие от Итана, ко-

торый никак не мог избавиться от привычки просыпаться с первыми лучами солнца. Неизменно, даже если солнце скрывали тучи, даже если до этого он полночи читал, даже если работал в ночную смену. Так было и сегодня.

Итан потянулся и сбегал умыться, стараясь не рассматривать серые пятна, которые разрастались с огромной скоростью. Потом он вытащил из шкафа свежую рубашку и джинсы, причесался, оделся и унесся в кухню. Готовить он любил, но толком не умел, поэтому по утрам обходился овсянкой и стаканом молока. Похоже, скоро придется потуже затянуть поясok: вряд ли новую работу удастся найти быстро. Итан замер, прокручивая в голове последнюю свою мысль. Невероятно!

* * *

Для Кэйлин утро перестало быть прежним довольно давно, но ночь – или, по крайней мере, большую часть ночи – она предпочитала проводить в своем подвальчике. Спать, как все живые люди, Кэйлин разучилась, но давать отдых мозгу, который каким-то чудом все еще работал, могла. Сном это состояние называть было никак нельзя – гораздо больше оно походило на медитацию. Протяжный звук «Ом», кстати, действительно помогал.

Мисс Нод сидела в полуразвалившемся кресле. Эван нашел его в садовом домике и притащил, решив, что оно как

нельзя лучше подойдет для мертвой сестрички. Когда-то кресло, может, и выглядело внушительно, но теперь позолота облетела, обивка стерлась, и все очарование сводилось к изогнутой спинке и колоссальным размерам. Зато во времена своего блеска кресло наверняка могло служить сидалищем для какого-нибудь телевизионного злого гения с котом наперевес.

...Кэйлин слушала мертвых. Это оказалось не так уж и трудно, после того как она сама умерла: жалобные шепотки, шарканье ног, обреченное дыхание – они были повсюду. Любой бы удивился, узнав, как много существ предпочло остаться на земле, а не идти дальше: то ли их слишком страшила неизвестность, то ли какая-то сила не отпускала их, но факт оставался фактом. Кэйлин слышала, как вздыхают безымянные боги, давно забытые своими верующими, как плачут жертвы насильственных смертей, как поют задавленные птицы и стрекочут прихлопнутые кузнечики. Однако видеть призраков Кэйлин так и не научилась. Надо было все-таки расспросить об этом Элизабет – как-то поделикатнее... Кэйлин очень хотелось увидеть хотя бы неясные очертания тех, кто ходил когда-то по болотистой земле Мэпллэйра.

Звон литавр и яростные скрипки заставили Кэйлин подпрыгнуть на месте – она чуть не свалилась с кресла, но в последний момент зацепилась за подлокотник. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, откуда доносится ме-

лодия.

Письменный стол был завален книгами, кусочками сургуча, перьями, ручками – как дверными, как и пишущими – и залит воском, лимонадом и пивом. Его уже давно использовали не по прямому назначению. Звук, все нарастающий, шел именно оттуда, из-под кипы непрочитанных и неотправленных писем. Кэйлин швыряла все, что попадалось под руку, высоко вверх – вещи летели через комнату и приземлялись на одном из половичков. Наконец она откопала среди гор хлама серебристый светящийся булыжник – свой старый телефон. Боги, как давно она никому не звонила!

– Алло! – почти взвизгнула Кэйлин, лишь с третьей попытки попав на нужную клавишу. Услышанное заставило ее плавно опуститься на диван и расплыться в довольной улыбке.

– Кэй, кажется, я тебя не забыл!

История вторая

Настоящая любовь

#Глава 1

– Ит, кажется, у тебя телефон...

Героическая музыкальная тема из недавно вышедшего фильма набирала громкость. Окделл даже вспомнил название: он недавно пробрался тайком на ночной сеанс и целых два часа наслаждался зрелищем поступков, на совершение которых никогда бы не решился.

– Брось, у меня же нет... Ах, да.

К музыке добавился дребезжаще-гудящий звук: похоже, мобильник отчаянно вибрировал. Итан исчез под кроватью, через пару минут выудил сотовый на свет, и его приятель Брайан еле удержался от смеха. Говорят, мобильные телефоны похожи на своих владельцев. А вот Итан никак не вязался с розовым в стразах кирпичиком «неубиваемой» марки.

Итан шикнул на Брайана и раскрыл телефон.

– Да?

– Итан, как там с работой?

Ни тебе «здравствуй», ни тебе «как дела?». Кэйлинна пустилась с места в карьер.

– Э-э-э... ты о чем?

– Макароны, пол, кровь... Ничего не нашли, так ведь?

Итан провел рукой по волосам, взъерошивая жесткие пряди. Если хозяева магазина прислали Брайана, то увольнять его действительно никто не собирался.

– Похоже на то.

– Какая я молодец! – Итан знал мертвого джинна Мэплл-эйра всего ничего, но уже мог представить, как именно она улыбается в этот момент. – Тогда позвоню позже, у меня есть пара идей насчет нашего непростого положения.

Итан даже попрощаться не успел – в трубке уже послышались гудки.

– Что-то важное? – Брайан облокотился на тумбочку, заваленную журналами.

В полумраке квартиры его кожа казалась фиолетово-черной, а тени на лице придавали сходства с каким-нибудь злодеем из низкобюджетного ужастика. Брайан не был другом Итана в полном смысле этого слова, – у него вообще не было друзей – но был единственным, кто хотя бы заходил к Окделлу. Каждую неделю этот узкоплечий высокий юноша с ослепительной улыбкой и жгучим взглядом (девчонки от такого сочетания просто с ума сходили) приносил Итану зарплату. Поначалу с Окделлом всегда рассчитывались на месте, на складах, но потом поймать его стало сложнее, игнорировать туман с Хищного шоссе тоже, и потому хозяева припрягли своего племянника. В задачу Брайана также входило разуз-

нать о «подозрительном мистере Окделле» чуть больше, чем он поведал на собеседовании: хозяева не слишком придирались к тем, кого нанимали, но так им было спокойнее. Слегка подружиться Брайан и Итан смогли на почве общей любви к комиксам. Теперь Брайан частенько захватывал с собой стопку книжек – и, конечно, конверт с деньгами.

– Не то чтобы... – Итан сунул телефон в карман джинсов и закусил губу.

Что ж, дважды повторять не придется.

– Славно, тогда я пошел. – Брайан оттолкнулся от тумбочки и зашагал к двери. – И избавься ты от этой дурацкой привычки носить везде темные очки. Раздражает.

Одновременно с тем, как хлопнула дверь, телефон Окделла зазвонил вновь.

– Итан, надеюсь, ты сидишь...

* * *

Офицер Моралес не хотела признаваться, что заблудилась. Ни себе, ни тому, кто следил за ней из тумана.

С собой у нее были фонарик, табельное оружие, наручники и пара батончиков «Плутон», которые она вытащила утром из ящика стола, а ранее сняла с крыши патрульной машины. В день, когда на Мэпллэйром просыпался конфетный дождь, сотрудники полицейского участка оправдывали все стереотипы.

В отличие от большинства местных детективов Моралес поддерживала на рабочем месте относительный порядок. Она не любила в этой жизни не так много вещей, но хаос, несомненно, был в их числе. Туда же входили реклама перед киносеансами, факт, что в магазинах почти не найти вещей по размеру, апельсины и родной городок.

Эва Моралес пересекла черту города в пять лет, когда погналась за подозрительной разноцветной собакой, укравшей ее тряпичную куклу, и с тех пор постоянно переступала всякие черты. Это было похоже на страсть коллекционера: пересеки как можно больше всяческих условностей – и получишь моральное удовлетворение в качестве приза. Еще, конечно, сможешь хвастать своей коллекцией на вечеринках и собраниях родственников: обычно это куда безопаснее, чем обсуждать политику и нового кавалера бабулиты. *«И нет, Эва, никогда нельзя быть достаточно старой для новых кавалеров!»* Эва подозревала, что и на том свете за бабулитой будут увиваться сотни душ. Такая уж она была, бабушка Моралес.

Пересекать границы было нетрудно. Особенно если эти границы – уважение к старшим, забор соседского сада или какая-нибудь нестрашная заповедь. В церкви Эва всегда думала о том, что провернет в понедельник. Начало недели идеально подходило для всяческих пересечений: городок и его жители словно просыпались после сытого обеда – выходных – и только набирали обороты. Продавцы в магазинах не успевали нажать тревожные кнопки. Старушка Эсте дре-

мала в тенечке и не следила за своими посевами. И даже глава семейства Моралес не находил в себе сил ругаться и размахивать руками. Понедельники были днями Эвы.

Она сама до сих пор не понимала, как умудрилась стать полицейской. Сбежать из родного городка (в понедельник) было не труднее, чем перечить бабулите. Через границу страны Эва перебралась вплавь, документы купила за утащенные в магазине сережки (из той коллекции, где все камни распределяют по знакам Зодиака), некоторое время работала в разного рода забегаловках... А однажды утром оказалась достаточно наглой, чтобы заполнить заявление на поступление в полицейскую академию.

Конечно, Моралес не проучилась там и дня. Возможно, в тот день она была немного не в себе, иначе ни за что бы такого не учудила. Но впереди ее ждал Мэпллэйр. И его катастрофическая текучка полицейских кадров.

Кажется, дежурный глянул только на нее саму – в сторону документов даже головы не повернул. А начальник лишь приоткрыл дверь, даже не пустил Эву внутрь, чтобы задать пару необходимых вопросов, – даже его внешность она почему-то совсем не помнила. А через полгода Моралес стала офицером. Единственным в участке офицером, который проработал там больше четырех месяцев. И теперь ей пришлось заниматься тем же, чем и в детстве – пересечением границ. Правда, в Мэпллэйре это были границы другого рода.

– Я знаю, что ты здесь, – произнесла Моралес тем голосом, который сама вылепила специально для работы, долгими тренировками перед зеркалом. Звучало внушительно. – Выходи с поднятыми руками!

На самом деле Эва ни на что не рассчитывала. Она знала, скорее всего, за ней наблюдают местные. А с местными приходилось обходиться особенно деликатно: на прошлой неделе Моралес арестовала человека-невидимку, и над ней даже не смеялся весь отдел. Только начальник через дверь глухо сообщил, что такими делами они не занимаются.

Можно было подумать, что он имеет в виду выпивку. Но в «такие дела» входили любые странности, с которыми детективы сталкивались чуть ли не каждый день. Человек-невидимка, конечно, был галлюцинацией из-за переутомления, хотя Эва помнила, как защелкивала на незримых запястьях наручники. Вампиры всегда оказывались решившими подурачиться подростками с накладными зубами. Загадочные смерти находили легкие, но иногда чересчур дикие объяснения.

Эва старалась просто плыть по течению. Срок ее фальшивых документов давно вышел, но мэпллэйровцам было на это плевать. У Моралес все еще была крыша над головой, работа, пусть и странная, и не менее странное уважение местных жителей. Например, в прошлом месяце – Эва готова была поклясться – ей поклонилась одна из высаженных у церкви елей. Моралес еле удержалась, чтобы не поклониться в от-

вет, а в участке выпила двойную порцию кофе. И все пошло своим чередом.

Сейчас Эва не надеялась, что ей ответят. Но из тумана вдруг выросла темная фигура – с поднятыми руками, все как и заказывали, – и произнесла:

– Добрый вечер, офицер!

Моралес не была уверена, наступил ли вечер. Или раннее утро. В тумане на шоссе номер двадцать девять всегда было одно время суток.

Незнакомец подошел достаточно близко для того, чтобы Моралес отметила его до странности незапоминающуюся внешность. Идеальна для того, кто пересекает границы. От такой бы она и сама не отказалась.

– Может, я опущу руки, а вы – фонарик? И поговорим?

Эва перевела взгляд на собственную руку: она действительно сжимала выключенный фонарик на манер пистолета. Батарейки что ли сели?

– Прошу прощения. – Моралес заткнула бесполезный фонарь за пояс и кивнула, когда ее собеседник (явно не местный) начал опускать руки. – Куда направляетесь?

– Не куда, а откуда, офицер. Из Пэлэс Рока к лучшей жизни.

Моралес снова кивнула. Соседний городишко был не самым благополучным, и она никогда в жизни бы там не обосновалась. Туман немного рассеялся: по крайней мере настолько, чтобы Эва заметила отсутствие у знакомого обуви.

Видимо, ему пришлось действительно несладко.

– Тут неподалеку брошенная машина. Не заметили ничего необычного?

Мужчина чуть склонил голову. Эва поймала себя на мысли, что никак не может рассмотреть его глаза. Не то чтобы цвет или отражающиеся в них эмоции, а даже просто поймать взгляд.

– Разве что тварь у вас за спиной, – спокойно заявил он.

Эва вдруг почувствовала, как из нее словно выливаются все ощущения и остается только страх.

Она схватилась за кобуру и обернулась.

Позади нее был только туман.

Она повернулась обратно, но незнакомец, конечно, уже исчез.

Пальцы все еще подрагивали, когда она включила фонарик – он зажегся мгновенно, словно никогда в жизни ее не подводил. Эва Моралес чертыхнулась и отправилась искать место, где сможет пересечь очередную границу и выйти с двадцать девятого шоссе. В мир, где светит солнце.

Она не заметила, что свет фонарика – по-болотному зеленый. В ее голове билась одна-единственная мысль: незнакомец сказал правду.

* * *

Туман был похож на море. Ласковые волны окутывали

с головы до ног, холодили затылок, запястья и щиколотки. Ступать по асфальтированной дороге было неприятно, но подходящих сапог он так и не нашел.

На обочине мигали красные и синие огоньки. *Странник* прищурился, прикрыл глаза рукой, и огни тут же погасли. Шоссе было благосклонно к незнакомцу. Может быть, он ему даже нравился.

Хлопнула задняя дверца машины. Между сиденьем и решеткой нашлась подходящая по размеру пара сапог. Указатель, выплывший из тумана, сообщал, что до Мэпллэйра оставалось совсем ничего.

* * *

Еще несколько месяцев назад Лиз Ольсен была готова до хрипоты спорить с теми, кто холодно утверждал, что любви нет. Теперь же она с радостью открывала бы глаза всем, кто не понимает очевидного. Любви действительно не существует – настоящей, верной, светлой. Есть только множество подделок: эгоистичная любовь, любовь безумная и уничтожающая, любовь, не видящая дальше своего носа, и любовь слабая, тайная, снедающая изнутри... Хотя называть все это любовью глупо – нельзя же тень человека назвать человеком?

Лиз возвращалась домой. Злая, немного уставшая после работы, она чеканила шаг, и стук ее подбитых железом каблучков отдавался в подворотнях звонкими колокольчиками.

На красной сумке Лиз остались следы – она выдирала ее из рук своего парня, когда тот зачем-то пытался ее удержать.

Он встретил ее сразу после работы. Лиз была помощником редактора в местной газете, и ее парень невероятно гордился этим фактом, почти так же сильно, как она сама. Лиз знала себе цену – только в этом она была по-настоящему уверена – и потому довольно долго не могла найти «того самого». Да, однажды ты просто устаешь искать принца на белом коне и тогда начинаешь искать того самого, который хотя бы приблизительно подходит под описание идеального парня. Два месяца Лиз приценивалась, приглядывалась и изучала мистера Шелли, прежде чем согласиться пойти с ним в ресторан. Спустя пару недель, шесть (нет, семь) букетов цветов и одно приглашение в театр она решила, что не прогадала.

Сегодня Шелли тоже встречал ее с цветами: купил персиковые розы, как она любила. И почему все называют их чайными, если цвет самый что ни на есть персиковый? Лиз радостно приняла букет, зашуршав упаковкой, поцеловала Шелли в губы – совсем легонько, словно даря обещание, – и именно в этот момент вдруг поняла, что любви не существует.

Тени в проулках за кирпичными стенами зашипели, сплетаясь в клубок: им не нравился стук каблуков. По сути, это было единственное, что они по-настоящему в этом мире ненавидели.

А вот пустые сердца им приходились очень даже по вкусу.

Итан чувствовал себя совершенно незащищенным, стоя вот так, на пересечении центральных улиц города. Он был как на ладони. Прохожие оборачивались, шептались за его спиной и пожимали плечами. *Серость* действительно бросалась в глаза. Окделл попытался слиться с ближайшей стеной, но не посмотрел под ноги, и пришлось отдирать от подошв целый ворох блестящих на солнце лент. Интересно, что это была за кассета, раз кто-то так яростно выдрал и выбросил все ее содержимое? Какой-нибудь христианский рок? Итан еще раз обеспокоенно огляделся. Оставалось надеяться, что Кэйлин не опоздает, хотя по всему выходило, что она уже почти это сделала. Часы показывали четыре минуты двенадцатого: близилось время обеда, и Окделл начинал нервничать. Людей на улице ощутимо прибавилось.

Он простоял еще десять минут, прежде чем понял, что за ним наблюдают. Темные очки, к счастью, скрывали глаза Окделла, и он смог разглядеть незнакомца, не опасаясь себя выдать.

Если бы Итана спросили, он бы с полной уверенностью ответил, что так одеваются только бездомные: коричневое пальто висело на мужчине, как на вешалке, голенища сапог были расплющены, и оставалось загадкой, как он вообще не теряет обувь. На голове у незнакомца красовалась клетчатая

кепка, из-под которой торчали медные вихры, руки он держал в карманах. Сходство с бродягой довершал совершенно неуместный яркий шарф, обернутый вокруг шеи. И все же одежда была слишком чистой для того, кто ночует в парке.

Мужчина уже несколько минут не двигался: буравил Итана взглядом, прислонившись к фонарному столбу. Когда Окделл сощурился, пытаясь разглядеть черты лица незнакомца, тот вдруг отмер и решительным шагом направился навстречу. Походка мужчины была немного пружинистой, спина совсем не сгибалась, словно он проглотил палку, и Итан сам не заметил, как сунул руки в карманы, повторяя эту напряженную позу. Как будто было в карманах что-то, что могло помочь в экстренной ситуации. Кроме розового мобильного монстра.

Мужчина приблизился почти вплотную. Итан готов был уже задать парочку вопросов вроде «Что вам от меня нужно?», но незнакомец даже не остановился – прошел мимо, задев Окделла плечом. Итана развернуло: он увидел, как бездомный помедлил на углу Бирюзовой Аллеи и скрылся за парикмахерской миссис Бэрис.

Да ты параноик, Итан.

Кэйлин налетела на него так неожиданно, что Окделл чуть не врезал ей между глаз, схватив за куртку и вывернув руки.

– Полегче, герой! – просипела Кэй, пытаясь удержаться на ногах. – Я, конечно, мертвая, но это, знаешь ли, всякий раз больно.

– Прости. – Итан выпустил ее и смущенно улыбнулся. – Ты что-то говорила насчет пропавшей девушки? И при чем тут я?

– Так это ж просто – я хочу, чтобы ты ее нашел.

Итан потерял дар речи. Мертвая девушка, которую он вчера выудил по частям из коробок с макаронами, предлагала ему заняться поисками неизвестной особы! Разве это не работа полиции?

Окделл повторил вопрос вслух, и Кэйлин округлила глаза.

– Итан, полицейские тут бесполезны! Элиза шепнула, что девушку унесли тени.

– Кто?

– Элизабет Рихель, с моей улицы. Маленькая, странные волосы, неправильный прикус...

– Да я не о том... Кто унес?

– Тени, Итан, т-е-н-и.

– Как эти? – Окделл указал на темные пятна у их ног.

– Как те, что появляются ночью, господи... – Кэйлинна прикрыла глаза ладонью в знак того, что сдается. – Работаете в ночную смену и никогда не слышал о тенях?

Итан не слышал. О плотоядных ночных тенях – точно никогда.

– Так... так... хорошо. Я, конечно, понимаю, что мы живем не в самом логичном месте на земле, но хищные тени?

– То есть Хищное шоссе тебя не удивляет уже, а тени...

– Какое шоссе?

Кэйлин отчаянно зарычала. Итан на всякий случай отодвинулся подальше. Похоже, мисс Нод очень расстраивала его неосведомленность об обыденных, на ее взгляд, вещах.

– Так, ладно, об этом после поговорим. Тени.

– И что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Загадал желание, конечно!

* * *

Странник глянул в зеркальную витрину магазинчика, носящего гордое название «От трусов до линейки. Каплан и сыновья», и щелкнул языком. Не то чтобы открывшийся вид сильно радовал... но, в конце концов, могло быть гораздо хуже. Похоже, никто в городе не видел того, что на самом деле отражали зеркала, и это пришлось как нельзя кстати.

Мэпллэйр при беглом осмотре оказался куда более интересным, чем *странник* мог предположить: всего за два квартала он повстречал нескольких мертвых котов, гонящихся за бабочками, зарастающего мхом бога и парня, страдающего идиопатической невропатией³, которая была приправлена еще чем-то, чего опознать не хватало ни сил, ни умения. Убегая именно сюда, на юг, *странник* и предположить

³ Идиопатическая (периферическая) невропатия – это нарушение передачи сигналов мозгом, вследствие повреждения одного нерва или группы. Омертвление отдельных участков тела и потеря чувствительности являются одними из главных ее симптомов.

не мог, что подобная удача свалится ему прямо в руки. Он уже довольно давно скучал, и городок такого рода мог принести в его жизнь уйму новых ощущений.

Пожалуй, стоило начать со знакомства. Мужчина поправил клетчатый берет, подосадовал из-за утерянной пуговицы на пальто и зашагал в сторону ряда одинаковых белых домиков. Над одним из них раскинул крылья *Трехглавый Зверь*: можно было услышать, как шипит вечный огонь на его левой голове.

Грех было не поздороваться с тем, кто сам до конца не представлял, что мешает ему ринуться за океан в поисках лучшей доли.

Странник очень любил разговоры. Они помогали ему побольше узнать о тех, кто в ближайшем будущем могли бы стать его врагами.

* * *

– Кого ты хочешь из меня сделать? Супергероя?

Бинго. Судя по искоркам, вспыхнувшим в глазах Кэйлин, он попал в точку. Итан с тоской вспомнил стопку комиксов под кроватью: такая жизнь была не столько заманчива, сколько опасна.

– Частного детектива? Консультанта по чрезвычайным обстоятельствам? «Супергерой» звучит не то чтобы очень точно. – Кэй опустила на корточки и уверенно начала сди-

рать с кирпичной стены остатки какого-то объявления. – Непробиваемая кожа – это круто, но я не думаю, что выдержи тебя в трико.

– Даже не начинай про трико...

– Поздно, уже упомянула. Считай, долг выполнен! – Она поднялась, отряхнула юбку и разгладила оторванный кусочек бумаги. – Тени были багрового цвета... Любопытно.

– Тени что? Цвета?

– Ну да, знаешь, они оставляют после себя такой... пепел, что ли. Господи, Итан, такое ощущение, что ты здесь... Поймай, а давно ты в Мэпллэйре?

– Несколько лет, – уклончиво ответил Итан, внимательно рассматривая свои кроссовки. Его новая знакомая всегда умудрялась незаметно подбираться к теме его жизненных обстоятельств. Это напрягало.

– Спрашивается, почему же я веду себя так, словно ты тут всю жизнь торчишь?.. С местными легендами я тебя позже ознакомлю. Элиза в этом большой мастак, поговоришь с ней пару часиков – будешь знать больше, чем даже мог представить. А теперь давай!

– Что?

– Итан, не придуривайся! Давай, загадывай! Я готова! – Кэйлин даже закрыла глаза и расправила плечи, всем своим видом выражая готовность.

– Стой... Не хочу я, чтобы ты на моих глазах умирала.

– Брось, будет весело!

– Весело?

– Ты меня четвертованной – или сколько там частей было? – видел! А в этом проулке мне разве что кирпич грозит. Или штырь какой в голову.

– Штырь? – Итан посмотрел вверх. Пожарная лестница ничуть не обнадеживала.

– Давай-давай, Лиз долго ждать не сможет! Багровые тени! – Кэйлин помахала зажатой в руке бумагой и вновь прикрыла глаза.

Окделл вздохнул. Кэйлинна успела рассказать, что пропавшую зовут Лиз Ольсен, что она работает редактором в газете и что недавно рассталась со своим парнем. По всякому выходило, что девушка могла спокойно уехать к маме на несколько дней. Выглядело это куда убедительнее, чем версия с прожорливыми тенями.

– Я жду. – Кэйлин приоткрыла один глаз и тут же зажмурилась.

Желание, значит. Найти Лиз. Найти Лиз Ольсен. Хорошо бы до наступления темноты. Итан на всякий случай прикрыл глаза и отвернулся.

– Итан?

– Я загадал.

– Старайся лучше!

Окделл постарался еще раз. И еще. И еще. После нескольких тщетных попыток представить себе мисс Ольсен и какие-то смутные загадочные тени сдалась даже Кэйлин.

– Из всех людей в этом совершенно повернутом городе только ты, Итан, вообще никак на меня не влияешь! Пора-зительно!

– И почему я чувствую себя виноватым?

– Потому что найти Лиз станет сложнее... Придется идти по следу.

– Тени еще и след оставляют?

Кэйлинна бросила смятое объявление в мусорный бак и зашагала к ржавеющей решетке в конце проулка.

– Будешь меня прикрывать, мистер Непробиваемый. Хм... *Непробиваемый и Неубиваемая...*

– Только не говори, что ты теперь будешь искать нам псевдонимы.

– Почему нет? – Кэйлин проскользнула под отогнутым краем забора и придержала решетку, чтобы Итан смог пробраться следом. – Капитан Камень и Леди Джинни... Стальной парень и Черная Смерть...

– Грейбой и Дэдгёрл⁴, ага, – проворчал Итан, поправляя темные очки.

– О, попрдержи мысль, мне нравится! – Кэйлин шелкнула пальцами. – И костюмы... Не бойся, трико отпадает.

– Кэй, прекрати... Мне шестнадцать, и я считаю это идиотской идеей – это о чем-нибудь говорит?

– Ты вообще читал комиксы? Что там в них говорится насчет большой силы? Твоя вот – насколько большая?

⁴ Серый Мальчик и Мертвая Девочка (*англ.*).

– Не больше твоей.

К сожалению, Окделл отлично понимал, что имеет в виду мисс Нод. Ответственность. Но Мэпллэйр – тихий городок, они же не в каком-нибудь мегаполисе, где преступления совершаются на каждом шагу!

– Тем более... Надо было встретить серое чудо, чтобы понять, чего мне не хватало! Кто бы мог подумать? – Кэйлин ускорила шаг, ее каблучки застучали чаще. – Пошевеливайся, кажется, мы на ве...

Договорить она не успела.

Багровые тени глотали любые звуки, стоило подойти к ним достаточно близко.

#Глава 2

Брайан нервно пригладил волосы, хотя они и так с самого утра идеально лежали. Братья Лавре вечно подтрунивали над своим племянником из-за его отношения к собственной внешности – но, узнай они, сколько девушек готовы бежать за Брайаном хоть на край света, сами бы устроили в своей квартире склад всяких косметических примочек. Брайану было не в тягость следить за внешним видом: в конце концов, он не переусердствовал. И теперь смотрите-ка, свидание днем! А значит, вечер вполне мог освободиться для пары часов за книжками или видеоигрой. Первые свидания все еще оставались довольно свободными – и к тому же редко длились долго.

Брайан остановился у палатки с цветами, выбрал три розы – красную, чайную и белую, никогда ведь точно не угадаешь, какая даме больше по душе, – и помчался к парку.

Лиз Ольсен должна была ждать его у поворота на Ривер-роуд.

* * *

Трехглавый Зверь был слеп. На все головы. И это хотя бы объясняло, почему он ни разу не попытался изменить собственную жизнь. Его народ всегда стремился прыгнуть вы-

ше голов – наверное, потому теперь выжившие и доживали свой век в местах, подобных этому. Местному *Зверю* еще повезло: не каждый день встретишь городок с выкрученными наизнанку судьбами, дорогами и пространством. И забытые боги сюда стягивались именно поэтому.

Странник с севера был рад, что пришел сюда раньше других *Бригадиров*. Это давало больше простора для деятельности.

Зверь рассказал, что на центральной улице живут две девочки с пустыми судьбами. Вернее, у одной судьба еще не опустела, но все к этому идет. Еще он рассказал, каких камней, почтовых ящиков и домов на деревьях остерегаться, – умирающие божества всегда выбирали странные места для жилья или для капищ. Странник покивал, махнул рукой на прощание, и *Трехглавый Зверь* свернул прозрачные кольца на крыше особняка с флюгером и красной черепицей.

Осталось передать привет тем, кто обитал в пещерах и на болотах. С шоссе поздороваться уже получилось.

* * *

Чего Итан не ожидал, так это того, что тени будут похожи на, собственно, тени от домов. Они тоже стелились по земле, и от обычных их отличал только цвет. Алый, багровый, бордовый... Словно кто-то пролил краску.

– Не двигайся, – прошептала Кэйлин, раскинув в сторо-

ны руки и пытаюсь сохранить равновесие. Она сделала один осторожный шаг назад, и тени двинулись следом.

– Кажется, им не нравится звук твоих каблуков.

– Кажется, им вообще не нравится, что мы сюда сунулись... О чем я думала? – Кэйлин подняла глаза и горестно всхлипнула. – О, постой, чего мне бояться? Я же...

Она сделала еще шаг назад, ближе к Итану. Багровые тени мгновенно оказались прямо под ее ногами, и она ухнула вниз, словно асфальт был водой.

– Кэй! – Итан дернулся в ту сторону, где еще секунду назад стоял мертвый джинн Мэпллэйра. А после тоже исчез в асфальте.

* * *

Здесь пахло не только сыростью, тиной и тухлыми яйцами: странник отчетливо различал еще запахи грибов, яичницы и чеснока. Кто бы ни жил в маленькой пещерке за городским указателем, он готовился к обеду.

– На всех не хватит! – раздался из глубины пещеры нестройный хор.

– О, я не голоден, – произнес странник, в очередной раз удивляюсь собственному голосу. Каждый раз приходилось привыкать заново.

– Голоден, мы отсюда чуем, – возразил все тот же хор. – Правда, омлет этот голод вряд ли утолит, не так ли?

Странник предпочел пропустить вопрос мимо ушей.

– Могу ли я разделить твоё тепло, твою кровь и твой кров?

– Как официально, надо же, словно мы король... Мы не король, знай! Впрочем... Дели кров, дели кровь, а насчёт тепла мы подумаем.

Странник ступил в небольшой каменный зал. Стены здесь были разрисованы коричневой и белой краской, посередине горел зеленым пламенем костер, а над ним возвышался обладатель множества голосов. Он был большим, жилистым и, кажется, вращался прямо в потолок. Повелитель *Игнес Фатуи*, болотных огоньков – по сути, просто огромный рой заблудших детских душ – готовил на собственном пламени грибы с яйцами.

Этот городок действительно был очень интересным.

– Ты... *Бригадир*? – Светящиеся глазницы расширились. – Пришел убить нас?

Но, даже задавая этот вопрос, хозяин пещеры продолжал помешивать свой обед, как будто ответ его вовсе не волновал. Иногда выдержка растёт вместе с годами.

– Я пришел говорить правду. – Странник опустился на влажный мох, скрестив ноги. – Думал, смогу пожить здесь. Смешные у вас места.

– Уже видел пустые судьбы? – Движением пальцев повелитель *Игнес Фатуи* погасил костер и поднес сковороду к пустому провалу своего рта. – Не самые интересные, на самом деле. – Одним могучим глотком он проглотил все, что при-

готовил. – Мы давно хотим уйти отсюда, да не пускает, никак не пускает... Держит. Душит. Потому нас тут так много.

– Для одного маленького городочка – чересчур.

– Ты еще не видел ее. Даже она запуталась и ждет. Иногда мы жалеем, что сюда не пришла чума.

– Стало бы легче?

– Стало бы тише...

Едва произнеся это, повелитель Игнес Фатуи вдруг мелко задрожал и рассыпался на сотни светящихся шариков.

– Пора вести, – пропищал высоким голоском один из них и вылетел из пещеры. За ним почти сразу последовали остальные.

Зеленый свет болотных огоньков, отправившихся заманивать путников в трясины, овраги и на оживленные трассы, пропал, но странник с севера продолжал сидеть в темноте. Он все еще видел рисунки на стенах и начинал понимать, что это за *она*, про которую говорили Игнес Фатуи. Но продолжал теряться в догадках, откуда же у огоньков сковородка.

* * *

Это совсем не напоминало смерть: не было ни незнакомца с развязанными шнурками, ни боли, ни привычного облегчения. Значит, Кэйлинна Нод осталась жива. Вот только где именно она осталась жива?

Глаза не скрывала повязка, вокруг совершенно точно не

было тьмы – ее ощущаешь сразу, она давит и манит. Тем не менее Кэйлин не видела ничего, кроме какой-то красной пелены. Кровь, застилающая глаза? Определенно, нет. Что же тогда?

Когда Кэйлин перебрала в голове даже самые невероятные варианты, темнота вдруг спала, и мертвый джинн Мэпллэйра увидела ту же подворотню, где они с Итаном встретили тени. Правда, отсюда почему-то не было видно неба. А в углу, на мусорном баке, сидела Лиз Ольсен и с диким бессмысленным остервенением пережевывала что-то, подозрительно похожее на кровоточащий кусок мяса.

– Итан? – Кэйлинна попятилась и вскоре уперлась спиной в решетчатый забор.

Кусок мяса повис в зубах Лиз – со стороны казалось, будто девушке оторвали челюсть. Ее деловой костюм был весь покрыт багряной коркой; при каждом движении он хрустел и сыпал на асфальт красноватый пепел. Мисс Ольсен потихоньку превращалась в *тень*.

Кэйлин снова позвала Итана, на этот раз тише, стараясь не помешать чужой трапезе.

Но Окделл ее не услышал. Не мог услышать, потому что разговаривал с *Королевой*.

* * *

Когда Итан очнулся, его окружали стены: десятки, мо-

жет, сотни, поставленные так хаотично, что получившееся сооружение даже лабиринтом нельзя было назвать. Панели, блоки, пол и потолок – все казалось кружевным, шершавым и неровным, как поеденный мышами диетический хлебец. Разве что хлебцы не отличались таким насыщенным красным цветом.

Итан попытался дозваться Кэйлин, но его крик словно умер у первой же стены. Тогда он двинулся вперед, надеясь, что куда-нибудь выйдет. Ничего большего ему не оставалось.

На ощупь стены походили на кораллы, только были не такими хрупкими. Маленькие выступы царапали Итану руки, лицо и шею, но он ничего не чувствовал. Был все-таки свой плюс в этой дурацкой серой коже.

На одном из поворотов Итан потерял очки – и там же заметил, что одежда его скоро превратится в лоскуты. Странно, он даже не слышал, как трескалась ткань. Сколько прошло времени, как близко к выходу он находится и существует ли вообще этот чертов выход, Итан не знал. Единственное, что он знал наверняка: над этой архитектурной насмешкой нет неба. И еще он совершенно выбился из сил.

Странное место, этот Мэпллэйр. Итан совсем не помнил, какой жизнь была в Сити, ведь судить по дверцам машины, слепящему белому свету и явно привидевшимся паукам не стоило. Тетя Сара забрала его оттуда, освободила от боли – значит, повернула его судьбу в лучшую сторону? Вот только теперь в Мэпллэйре происходило что-то, что нельзя было

назвать безопасным.

Или нет... Нет. Это давно происходило в маленьком сером городке, просто Итан ничего не видел и ни о чем не знал. А потом он встретил Кэйлинну Нод, мертвого джинна Мэпллэйра, и все изменилось. И она тоже когда-то была самой обычной девушкой. Как и Мэпллэйр был самым обычным городом.

А теперь она исполняла желания ценой собственной жизни, поначалу даже самые маленькие. Раз за разом умирала, как в какой-то видеоигре, где каждый раз сообщается: «У вас осталось столько-то жизней». *Красные сердечки в правом верхнем углу экрана.* Сколько их осталось у Кэй? Или их столько же, сколько звезд на небе? Но даже их можно сосчитать.

Почему Итан Окделл, серый мальчик, покрывшийся пылью Мэпллэйра, не может загадать ей свое желание? Не смог бы, даже если бы попробовал другое, не навязанное, не касающееся Лиз Ольсен, а то самое, сокровенное, лежащее на сердце нерожденной птицей? Город еще не принял его как своего полноправного жителя? Или у Итана не только кожа непробиваемая, но и разум? Или неправильные законы болотистой местности не подчиняются грузчикам, которые любят комиксы?

Итан вздрогнул и инстинктивно зажмурился: он вдруг ощутил чье-то болезненно горячее прикосновение. Для человека, который уже довольно долго не мог почувствовать

холод, жар, удар ножом и прочие радости обычных живых существ, это было словно озарение. Как сюрприз на день рождения, о котором не догадываешься до последней секунды. Итан открыл глаза и увидел чужие – янтарно-оранжевые, с красными прожилками и черной сетью сосудов. Совершенно без зрачков. Но внимательно его рассматривающие.

– Привет, – прошептал Итан и не услышал собственного голоса, словно воздух вокруг крал все звуки.

«*Цельй*», – зазвенело прямо у него в голове. Чужие мысли. Мысли этого существа, словно сотканного из тех же кораллов, что и стены, и красной маслянистой краски? Глупый вопрос, тут же больше никого нет. – «*Цельй, потерянный и такой милый...*»

Странно, но даже в собственной голове Итан различал тембр голоса, который мог бы все это произносить. Если бы у красного существа был рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.